

**ОПИСАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНЫМ
РАБОЧИМ: МЕЖДУ СОЦИАЛЬНЫМ ИСКЛЮЧЕНИЕМ
И СОЦИАЛЬНЫМ ВКЛЮЧЕНИЕМ**

Аннотация

В статье проводится анализ интервью с одним из первых людей, которому был поставлен диагноз ВИЧ-инфекции в Советском Союзе. На основании словарей мотивов, предложенных Ч. Р. Миллсом, проводятся различия между двумя типами описаний непосредственных контактов: оправданиями и извинениями. Указан способ уклонения от описания социальных столкновений. Следуя за Л. Н. Коганом, уточняются некоторые выводы в его работе «Роль производственного коллектива в культурной деятельности рабочего».

Ключевые слова: словари мотивов, Миллс, описания, социальное исключение и социальное включение, Коган, ВИЧ/СПИД, качественные методы.

В исследованиях городского пространства, пространства с высокой плотностью населения, ставится вопрос о потере своих индивидуальных качеств человеком. Люди в городском пространстве не замечают друг друга, а если и распознают, то преимущественно по внешнему виду. Качество, относящееся к здоровью человека, без отметок на его внешнем виде, в городском пространстве зачастую скрыто. Что произойдет, если открыть прежде невидимое качество? И этим качеством будет наличие болезни, ВИЧ-инфекции. Постараются ли люди, приближенные на какое-то время к этому человеку, отстраниться от него, исключить его из поля видимости? Эти вопросы, спустя около 40 лет после начала распространения эпидемии ВИЧ/СПИДа в СССР-Российской Федерации, не теряют актуальности. Это вопросы связаны с открытием ВИЧ-положительного статуса человека, его социальным исключением и социальным включением.

Наше исследование социальных исключения и включения ВИЧ-положительных людей в социальные группы проводится с 2006 года. В исследовании применяется нарративно-биографический метод интервьюирования ВИЧ-положительных людей. Полевые материалы собраны в 2006–2008, 2014, 2022–2023 годах. Набор для интервьюирования осуществлялся с помощью удобной выборки. В выборку 2022–2023 гг. попал человек с наибольшим стажем жизни с ВИЧ-инфекцией среди всех наших информантов: 38 лет. Диагноз «ВИЧ-инфекция» этому человеку был поставлен в 1987 году. Таким образом, этот человек был в числе первых (из 24-х) [5, р. 10] официально зарегистрированных в Советском Союзе ВИЧ-инфицированных. Всю свою жизнь он прожил в одном из городов СССР-Российской Федерации со средней численностью населения 250 тыс. человек.

Социальное исключение и включение определяется нами как принятие или отвержение статуса или статусного набора индивида другим индивидом в ходе непосредственного взаимодействия между ними в социальных группах.

Акцент на специфике предмета социологического знания в связи с непосредственным взаимодействием между людьми сделал уже Г. Зиммель в работе 1894 года «Проблема социологии» [2, с. 431]. В социологии ситуация непосредственного контакта людей друг с другом (лицом к лицу) находила свою дальнейшую разработку. Эта предметная область также оказалась вписанной в исследования на промышленных предприятиях в СССР. Обращаясь к одному из примеров данной предметной области, работе «Духовный мир советского рабочего» [1] и, в частности, главе, написанной Л. Н. Коганом, «Роль производственного

коллектива в культурной деятельности рабочего», можно выделить два ее аспекта. Первое. Восприятие человеком окружающего мира избирательно, и оно будет определяться «реальной или предполагаемой реакцией» тех, «кто находится в прямом и постоянном общении с ним» [1, с. 84]. Второе. Рабочие в своих непосредственных контактах не замыкаются в пределах своего класса, а выходят на (дружеские) контакты с другими социальными группами: «интеллигенцией и служащими сферы обслуживания» [1, с. 91].

В настоящей статье «непосредственные контакты» рассматриваются через их «описание» (accounts) информантом (57-летним мужчиной, квалифицированным рабочим, ВИЧ-положительным) в ходе ситуации интервью. Сами по себе описания предложит рассматривать в качестве «словарей мотивов» Ч. Р. Миллс [4]. Он разделил реальное социальное действие и то, как оно описывается. И даже в том случае, если, по большей части, описание представляет из себя описание *post factum*, которое выступает в качестве *оправдания* действия, это не означает, что описание не будет выступать ориентиром социального действия в будущем.

Оправдание необходимо отличать от *извинений*, которые в свою очередь также подпадают под категорию описаний [6]. В оправдании происходит замена дискредитирующего мотива мотивом социально приемлемого типа. В извинении происходит перенос собственной меры ответственности на другого субъекта (или какой-либо неодушевленный объект). Существенную доработку «словарей мотивов» Ч. Р. Миллса осуществили М. Б. Скотт и С. М. Лайман, включив в него параграф о «стратегиях уклонения от описания» [6, с. 57–58].

Перейдем к анализу интервью с информантом. Жизненная траектория информантом в связи с институтами профессии представлена следующим образом: после школы был техникумом, который совмещался с началом трудовой деятельности на заводе; после техникума – служба в армии; после возвращения из армии – снова работа на том же заводе. Однако проработать удалось совсем недолго, через несколько месяцев информант непосредственно с завода, с рабочего места, был доставлен в ЦНИИ эпидемиологии МЗ СССР¹, где ему был поставлен диагноз ВИЧ-инфекции. После этого информант снова вернулся на завод. Части жизненной траектории после возвращения на завод с поставленным ВИЧ-положительным диагнозом будет уделено внимание ниже.

После возвращения на завод в конце 1987 года о ВИЧ-положительном диагнозе, по крайней мере в отделе, где работал информант, а это 36 человек, все знали. Атмосферу, которая установилась вокруг его собственной персоны в отделе завода, информант характеризует как связанную с «перешептываниями». Информант следующим образом передает сложившуюся для него ситуацию: «Ну, я переводом, почему? переводом, я переводом, почему пошел, просто меня вызывает главный технолог, вот: “Ну, что, Сергей Павлович², у нас идет сокращение”. Вот. Я г[овор]ю: “Все понял”. Чего мне объяснять, правильно? Если он г[овор]ит, у нас идет сокращение. Вот. Он г[овор]ит: “Сходи в отдел кадров, может, чего-нить найдешь”. Вот... Я сначала пошел в механический цех. Технологом. А потом в кузню перевелся. Вот так». То, что в данной ситуации вменяет нашему информанту главный технолог — «идет сокращение» — является оправданием действия, переходящего из настоящего здесь и сейчас в вероятное будущее. При этом «сокращение» заменяет собой «перешептывание о ВИЧ-инфекции»³; означаемым «сокращение» является *исключение субъекта с ВИЧ-инфекцией, который вызывает перешептывания в отделе завода*. Необходимо отметить, что массовое сокращение рабочих на заводе в 1988 году представляет

¹ Мы указываем название, данное на веб-сайте нынешнего Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбы со СПИДом, как первой организационной структуры, занимающейся диагностикой и лечением ВИЧ-инфекции в СССР [3]. Со слов информанта в интервью — «увезли на Соколинку».

² Имя изменено.

³ В начальный период развития эпидемии ВИЧ/СПИДа название болезни «ВИЧ-инфекция» практически не использовалось, в повседневных практиках болезнь называли преимущественно «СПИД».

собой исторический факт⁴. Предприятие переходило на полный хозяйственный расчет и самофинансирование; в результате этого перехода были уволены рабочие. Но в данном описываемом информантом случае именно дискредитирующий атмосферу в коллективе завода ВИЧ-положительный статус использовался как основание для сокращения, а не какие-либо иные качества рабочего, в силу которых сокращение может быть осуществлено.

Итак, информант «перевелся» в кузнечный цех, в цех, в иерархии завода, самый грязный и тяжелый по выполняемой работе. Нисходящая социальная мобильность индивида в этом отношении является здесь маркером социального исключения. Проследим далее непосредственные контакты информанта, данные нам в описании: «Когда в [кузнечный] цех ушел, вот, он сразу, слесарь, допустим, г[оворит]: “Механик, а ты правда что ли СПИДом болеешь?” Я г[оворю]: “Да хватит, че?” — говорю... люди шепчутся-шепчутся, вот. Ну, может, неделю пошептались, а потом мы обедали-то вместе за одним столом. Все отношения нормальные. Обедали вместе. В душ ходили вместе. Никуда же они ни, эт[о] самое, не сторонились. Ничего страшного. Все». Слесарь выказывает сомнение в том, что он слышал от других и вот теперь просит удостовериться болезнью непосредственно приближаясь к источнику слухов. Речевой оборот «правда что ли» — это своего рода извинение перед тем, кто, прежде всего, наделен качеством квалифицированного (уважаемого?) рабочего: «механика». По этому отрывку из интервью можно судить о том, что социальное включение в группу сослуживцев в кузнечном цеху — произошло, ряд повседневных рутинных действий выполнялись совместно. Однако тень «СПИДа» неизменно витала как тень чуждости, очертания которой люди могли различить только подойдя ближе, вступив в разговор, сталкиваясь с нашим информантом.

Какова была дальнейшая карьера информанта в кузнечном цеху, в котором он проработал до выхода на пенсию в 2016 году? Информант и сам в ситуации интервью задает подобный вопрос: «А какая на заводе перспектива-то? Пришел? Работай... Как раньше в кино показывают, от рабочего — до начальника цеха или начальника завода, как «Москва слезам не верит», да? Да это все сказки. Образование есть? Иди ли мастером или начальником. Все». Такое описание может быть подведено под категорию оправданий, которую М. Б. Скотт и С. М. Лайман называют «печальной историей» [6, с. 51–52]. «Печальная история — это избирательное (зачастую искаженное) изложение фактов, которые подчеркивают чрезвычайно мрачное прошлое и, таким образом, “объясняют” нынешнее состояние человека» [6, с. 52]. В приведенном отрывке из интервью искажен сюжет кинопроизведения, его героя получила высшее образование. В том числе, благодаря которому впоследствии стала директором завода. Тогда как среднее техническое образование информанта затрудняло карьерный рост. А героиня (которую можно интерпретировать в целом как культурный образец) кинопроизведения с образованием, позволяющим стать начальником, скорее вызывает у информанта чувство resentimenta.

Чувства нереализованности, тревоги за открытый ВИЧ-положительный статус в трудовой деятельности не могли не отложиться свой след на личности информанта. В интимных, романтических отношениях информанта с женщинами мы также находим подобную тревожность.

Подчеркнем, большинство непосредственных контактов информанта, связанных с романтическими отношениями, происходили с женщинами из медицинской сферы обслуживания, представительницами медицинской профессии. Вот как выглядит одно из описаний: «Наша врач, с нашей больницы, с инфекционной, с областной больницы. Вот. Она делала УЗИ, я признавался и мы с ней, с врачом с нашим, мы с ней прожили пять лет. С нашим врачом, да... Когда я принес карту свою. Она почитала выписку. Ну так как-то, может, может быть легкомысленно, может быть, как она г[оворит]: “Да, ничего страшного, у меня иммунитет хороший”. И все. И мы так познакомились». В прямой речи врача, переданной нам информантом, существенна сцепка «ничего страшного» и «у меня иммунитет хороший»,

⁴ На этот счет существуют документальные подтверждения, в том числе, общественно-доступные, но для сохранения конфиденциальности личных данных информанта мы их здесь не приводим.

подразумевающая незаразность информанта. Сам по себе речевой оборот «ничего страшного» информант использует во время интервью 25 раз⁵, вменяя (себе и другим) отсутствие тревоги жизни с ВИЧ-инфекцией. Таким образом, речевой оборот, предписываемый другому, является собственным речевым оборотом, интересубъективным, нормализующим пятилетнее событие жизни, подпадающим под категорию социального включения.

Во время интервью речь зашла о возможности быть отвергнутым в связи с открытием ВИЧ-положительного статуса половому партнеру. Приведем этот диалог в интервью:

«Информант: Представляешь, что могут отвергнуть, да. Поэтому, допустим, когда ухаживаешь месяц, два, а до постели дело доходит, допустим, ты же обязан предупредить, правильно?... Ну, некоторые относились и положительно, некоторые — негативно. И все.

Интервьюер: Негативный случай, вот вы не могли бы описать? Как это было? Ну, если это удобно, [а то] можете вообще сказать: “Я не буду об этом говорить”.

Информант: Даже и не вспомню, как это было. Даже не вспомню. Негативно. Я не вспомню, правда. Правда не скажу. Неа».

В этом диалоге первоначально сам информант упоминает об опыте негативного отношения полового партнера к его ВИЧ-положительному диагнозу. Но затем, возможно воспользовавшись подводкой интервьюера, говорит о проблемах с памятью. М. Б. Скотт и С. М. Лайман определяют такой способ описания как одну из разновидностей уклонения от описания: «мистификации». Авторы не указывают данной конкретной речевой формы, связанной с апелляцией к памяти, но говорят, что во всех случаях «мистификации» существуют «обстоятельства, которые практически препятствуют подробному описанию» [6, с. 57]. Сделаем несколько предположений об обстоятельствах, которые не позволяют информанту «вспомнить» негативное к себе отношение. Возможно, информанту неприятно вспоминать подробности, где он в очередной раз подвергался остракизму. Но, так или иначе, события, где информант испытывал сложность в принятии его статуса другими людьми, поддаются описанию в других частях интервью. Тогда, возможно, информант не сообщил половому партнеру о своем ВИЧ-положительном статусе, если тот не становился известным в силу обстоятельств, которые от него не зависят.

«Обязан предупредить, правильно?» – говорит информант интервьюеру. Но предупреждает он или нет полового партнера – остается загадкой, это еще одна «мистификация» в ситуации интервью.

Вмененный в вину ВИЧ-положительный статус информанта (как-то «сокращение» или «хороший иммунитет») всякий раз подразумевающие заразность информанта) составляет его словарь мотивов. Эти мотивы описаны как оправдания и извинения; они могут работать в будущем в ситуациях, подразумевающих открытие ВИЧ-положительного диагноза. И существует вероятность воздержания от открытия ВИЧ-положительного статуса в ситуации непосредственных контактов.

Л. Н. Коган указывает на реальные или предполагаемые реакции со стороны других людей, которые модифицируют восприятие человека. Однако в этом отношении важно подчеркнуть, что формирующиеся *предположения реакции*, возможно, будут усиливаться по мере сходных *реальных реакций*. Также Л. Н. Коган отмечает, что рабочий класс не замыкается в пределах своего класса, а непосредственно контактирует с другими социальными группами. Причинного объяснения таким контактам не дается. Указанный выход за пределы класса, возможно, является не столько определенным status quo перемешивания социальных статусов, но, возможно, и результатом «выдавливания» определенного статуса человека из одной социальной группы (социального исключения) в другую (социального включения).

В методическом отношении, на наш взгляд, важно не столько различать прямую речь и иные описания, переданные в ситуации интервью, но прежде всего обращать внимание на

⁵ См. выше фрагмент интервью, где информантом используется речевой оборот «ничего страшного» как часть описания непосредственных контактов на заводе, в кузнечном цехе.

переданную прямую речь, которая подпадает под категорию описаний. При анализе интервью мы руководствовались связкой между прямой речью и непосредственным контактом, которая передается информантом в ситуации интервью интервьюеру. Описание, вменяемое информанту третьим лицом, не присутствующим в ситуации интервью, и то, что информант вменяет интервьюеру *vis-a-vis* – составляет словарь мотивов. Словарь мотивов не принадлежит одному человеку, но порождается в коммуникации, переданной в других коммуникациях, ситуациях непосредственного контакта, например, таких как ситуация интервью.

Литература

1. Духовный мир советского рабочего. (Опыт конкретно-социологического исследования). Под ред. М. Т. Иовчука, Л. Н. Когана. М.: Мысль, 1972. 439 с.
2. Зиммель Г. Проблема социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. Под ред. В. И. Добрянкова. М.: МУБиУ, 1996. 520 с.
3. История // Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбы со СПИДом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hivrussia.info/istoriya/> (дата обращения: 29.03.2023).
4. Миллс Ч. Р. Ситуативные действия и словари мотивов // Социологическое обозрение, 2011, т. 10, № 3, С. 98–109.
5. Pokrovski V. V. et al. HIV-infection surveillance in Russia in 1987-1996 (Statistics). M.: Russia AIDS CENTER, 1997.
6. Scott M. B., Lyman S. M. Accounts // American sociological review, 1968, Vol. 33, No. 1, Pp. 46-62.

A. Andreev

SOCIAL ENCOUNTERS' ACCOUNTS BY HIV-POSITIVE WORKER: BETWEEN SOCIAL EXCLUSION AND SOCIAL INCLUSION

Abstract

The article describes an interview analysis with one of the first people who was diagnosed with HIV infection in the Soviet Union. Based on the vocabularies of motive by C.W. Mills are proposed to distinguish between two types of social encounters' accounts: justifications and excuses. The way of avoiding accounts of social encounters is specified. Following L.N. Kogan's «The role of the industrial collective in the cultural activity of the workers» some conclusions are clarified in.

Keywords: vocabularies of motive, Mills, accounts, social exclusion and social inclusion, Kogan, HIV/AIDS, qualitative methods.

УДК 316.7

Е. В. Ануфриева, Н. Д. Дулина

ЗАВОДСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Исследование касается изучения той части городской культуры, которая формируется заводом в крупных промышленных российских городах. Как правило, крупные промышленные города состоят из нескольких районов, в каждом из которых центром формирования характерной именно для этого района своей, внутренней культуры зачастую является крупное промышленное предприятие. Например, для Царицына – Сталинграда – Волгограда не только градообразующими, но и определяющими во многом культуру города стали такие предприятия как металлургический завод «Красный Октябрь», ведущий свою историю с апреля 1897 года, Волгоградский тракторный завод (известный всей стране Сталинградский тракторный завод), завод «Баррикады», закладка которого состоялась в июне 1914 года. Как свидетельствует история, эти и другие заводы были открыты в городе и сразу начали оказывать активное влияние на формирование городской среды и культуры Царицына – Сталинграда – Волгограда. До сих пор в городе сохраняются материальные свидетельства «освоения» заводами пространства вокруг себя (поселки, где жили рабочие и служащие заводов, Дворцы культуры,